

БОРОНИЙ ЗУБ

Год издания 4-й.

ЦЕНА № 10 КОП.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „БОРОНА“

7-30

№ 2 (38)

ФЕВРАЛЬ 1929 г.

№ 2 (38)

Адрес конторы и редакции:
Гострома, Советская, 15. Телефон № 118. Б.к.

1929

Об. экз.

Литр.

3.2/10

КРАСНОАРМЕЕЦ: Еще один протокол о мире. Прекрасно! Но я все-таки остаюсь на страже.—Так будет вернее.

I.

Дело было на польском фронте. Бело-поляки настойчиво напирали на красноармейские части.

Необходимость заставляла на время оставить позиции.

Прикрывая тыл отступавших, последней уходила команда разведчиков.

Твердо надеясь, через несколько дней вернутся обратно, а также, чтобы знать количество и место неприятельских частей и артиллерии, — решено было оставить в тылу поляков одного из разведчиков.

Несмотря на исключительный риск предстоящего дела, охотников остаться в „гостях“ у поляков нашлось много.

Выбор, дружно одобренный всеми, пал на Ваньку-Христа.

Ванька Бычкин родом — тверяк.

В дружеских беседах, всех тверских называли, почему-то — козлами, рязанских — когопузыми, а псковских — скобарями.

Ванька же — особь статья.

На фронте он отростил волосы, которые спускались почти до плеч и имели склонность на концах загигаться, как перья на хвосте у селезня.

Узенькая борода, „на два раствора“, и прямой нос — придавали ему окончательное сходство с Христом, каким его рисуют владимирские богомазы на потребу верующим.

Таким Ваньку знала вся дивизия и кличка „Христос“ вытеснила фамилию.

Имеющий внешнее сходство с легендарным Христом, Ванька по своему укладу был далеко не похож на своего двойника.

Весельчак, плясун и страшный обжора, он имел какую-то особенную страсть к свинине.

На спор Христос съедал, под дружный хохот товарищей, за раз по пять фунтов вареной свинины.

Облизываясь, говорил:

— Если бы не в поход, фунта три съел еще бы... А в пути тяжело...
— А штаны не съехали бы?
— Брось, подтяну снова.
— Его, братцы, полезно в хозяйстве держать. Хо-хо-хо! Удобрень!

— Да, особенно у кого скота мало...

— [Насчет этого — быков трех заменит с почтением...]

II.

Замаскировав землей телефонный провод, разведчики уходили, оставив „Христа“ в подвале полуразрушенной придорожной часовни с телефонным аппаратом, котелком воды и буханкой хлеба. Дня два-три, а может быть и больше, предстояло сидеть в холодной развалине.

— Не скучай, — скоро вернемся!

— А ведь, братцы, помещение для „Христа“ как раз в аккумуля — часовня. Ха-ха-ха!

Часа через три вокруг развалин халуп и часовни шныряли первые разъезды поляков. К вечеру прикатила артиллерия и запахло от походной кухни супом.

И в первый же вечер Ваньку едва не погубила его жадность к свинине.

В мелком кустарнике, шагах в ста от часовни, бродил отбившийся каким то образом поросенок. Его зазорное хрюканье звучало в ушах „Христа“ мучительной музыкой.

— А ведь хрюка можно утешить, — мелькало в голове. — Удар шашкой и — не пикнет. А какую жареху устроим, когда вернется братва!

Осторожно выбравшись из своего убежища, „Христос“ пополз к поросенку.

Обрадовавшись живому существу, поросенок остановился и дружелюбно захрюкал. Через минуту „Христос“ полз обратно, таща за ноги оглушенного бродягу. Шагах в трех от часовни поросенок неожиданно рванулся и пронзительно завизжал.

На этот страшный рев от халупы, где остановились поляки, отделилась фигура. Видно было, как она приближалась к часовне, поблескивая штыком винтовки.

Каждый шум мог привлечь других поляков. Ванька быстро столкнув поросенка в подвал, понял, что он открыт.

— Эх... не оправдал доверия!.. Проклятая свинина!..

И мгновенно решился на отчаянную штуку.

Сбросив шинель и шлем, быстро одел на себя белый халат, которые в зимнее время имеются у каждого разведчика. Сбросил также сапоги и босой, в белом одеянии, вышел навстречу подхлотившему.

Винтовка выпала из рук поляка и он ничком упал на землю. — Боже... Пан Езус...

Наступив ногой на брошенное поляком ружье, „Христос“ прогнул елеиным голосом:

— Оставь оружие твое, закрой глаза и ползи за мною...

Уткнувшись лицом в теплое еще поросенка, поляк дрожал от страха. Обвертывая грязными портянками иззявшие ноги, „Христос“, при виде двух своих трофеев, расхохотался.

Поляк, слыша хохот и видя далеко не божественной чистоты портянки, начал понимать в чем дело.

— Лежи! А руки тебе, голубю, вот так, крепче. А попробуешь шуметь — сразу в рай за поросенком!..

А через два дня вернувшиеся красноармейцы, уничтожая поросенка, давились от хохота, слушая рассказ „Христа“ о его явлении поляку.

Пленник бы тут же и не тише других хохотал, глядя на „Христа“ восторженными глазами.

ВЛАДИМИР Ф.

Точный признак

— Ну, молодежь, кто в царской армии назывался фельдфебелем?

— Такой солдат с нашивками, который морды бил.

На экзамене

— Из каких частей состоит Красная армия?

— Не из каких: она — одно неразрывное целое.

По своей мерке

„Липовый“: Я-бы всю партийную массу нашего района из партии исключил.

— За что?

— За то, что она от меня оторвалась.

Запутался

— Это что за дом?

— Изба-читальня.

— А это что за изба?

— А это дом крестьянина.

Весь в папашу

1.

Пятнадцать лет тому назад Иван Кулигин спас помещика и с той поры словно его обухом по голове кто ударил.

Везде и всегда, надо или не надо, любил Кулигин подробно рассказать об этом происшествии:

— Иду это я, други мои, по лугу, слышу крики, плаки, стерики: „Тону, спасите!“ Подбежал это я к реке, смотрю—наш барин Федор Иванович Плакунов тонет... Скидываю это я портки, бах в воду, сгреб за шею, вытащил на берег... А барин отдышался это и враз меня к себе в гости... Сейчас спирту разбавил мне досыта, а потом выносит золотую пятишку и говорит: „Это тебе, Кулигин, вроде как медаль за спасенье погибающего“... И посеичас храню эту пятишку в сундуке.

Прозвали Кулигина за это „барским прихвостнем“, обидно, да ничего не поделаешь!..

И вот через пятнадцать лет проходил через село дюжий парень в грязной блузе, в рваных опорках, с пустым мешком за плечами, и пришлось ему заночевать у Кулигина.

Расспросил его Кулигин, кто да откуда, да чей и пожалуйста—барина сынок оказался, Федора Иваныча Плакунова, того самого.

Обрадовался Кулигин, засуетился:

— А ведь мы с покойным папашей вашим душа в в душу жили. Когда я его из реки вытащил, он это сейчас же спирту разбавил досыта, а потом выносит мне золотую пятишку и говорит: „Это тебе, Кулигин, вроде как медаль за спасенье погибающего“... И посеичас храню эту пятишку в сундуке... Ну, а вы чем занимаетесь, смею вас спросить?..

— Я... Гмм... свободной профессией.

— Так... так..

На столе появилось угощение. Барский сынок сидел в красном углу, пожирал жирные щи, баранину с картошкой, смачно запивал еду стаканами первака и изредка мычал:

— Гм... да... недурно!..

А Кулигин потчует, а Кулигин разговорами развлекает:

— Личиком-то вы весь в покойного папашу и ухватки те же, а вот в костюм-одеже разница агромадная... Тот всегда бывал в поддевочке сукна тонкого, картузик лихо сдвинутый... Ну, да ведь революция...

— Да... Гм... при свободной профессии не всегда хорошо оденешься.

— А это что же за должность, смею вас спросить?

— Это... Гм... как сказать...

Плакунов сын покрутил пальцами перед носом Кулигина и глубоко вздохнул. Он быстро хмелел, а радужный Кулигин подливал самогонки, суетился, а потом полез в сундук и вытащил заветную золотую пятерку.

— Вот эту самую пятерочку Федор Иванович тогда мне и вручил!.. Вроде как медаль, я ее и храню.

Плакунов сын повертел пятерку в руках и пробасил: — Гм... да... папашина, говоришь, пятерка?.. Это хо-рошо.

Кулигин улыбнулся и бережно положил золотую монету под образа.

2.

Утром Кулигин опохмелил дорогого гостя, положил ему в мешок ковригу хлеба, кусок жареной баранины и бутылочку „заветного“.

На прощанье Плакунов сын усмехнулся:

— Так, говоришь, я весь в папашу?.. Гм... да... возможно.

И зашагал прочь от села.

Вернулся Кулигин с дровами из лесу, вспомнил о пятерке, подошел к божнице, чтобы спрятать драгоценный золотой, а его нет, как и не бывало.

С минуту постоял Кулигин, широко раскрыв рот и выпучив глаза, словно его ударили обухом по голове и вдруг все понял:

— Украл ведь, сукин сын, пятерку-то!.. То-то на свободную профессию напирал, сволочь!.. И впрямь весь в папашу вышел...

3.

Теперь Кулигин не жалеет помещиков, и когда где-нибудь поминают прежнее житье, говорит:

— При них, при иродах, разве жилось?.. Сидели гады на нашей хребтине!.. Я вот про себя скажу, спас я, скажем, Плакунова, а его утопить было мало, а не то что из воды вытаскивать!.. Отблагодарил тоже, сквалыга: нет, чтобы земли прирезать или лесу на срубы дать... А он, буржуй разнесчастный, „на“—говорит—„пятишку“. Плевать я хотел на его пятерку!.. Да у меня, может, не одна их была... Подумаешь—пятерки не видели ихней!.. Да мы миллионами швырялись, раз хозяева сами... Скареды окаянные, живоглоты!..

К. Миль-Полярный.

Облава на медведя.

(Охотничий рассказ).

Разнесся по деревне слух, что в соседнем лесу видели медведя.

— А кто видел?—спрашивали одни.

— Ктонибудь да видел, раз об этом молва пошла,—отвечали другие.

Чтобы предотвратить нападение медведя на скотину, мужики решили его уничтожить. Ходили, ходили по лесу с ружьями, а медведя не встретили.

— Вот что, братцы,—сказал Герасим Лаптев мужикам, севшим отдохнуть после неудачного похода.—Медведя-то мы, собственно говоря, не там ищем!

— Как не там? А где же он?

— В деревне сидит. В нашем кооперативе. Хоть для скотины он не опасен потому, не только зиму, а весь год в спячке проводит. Но для общественного дела этот зверь вредный. А потому я вам, как пайщик кооператива, и предлагаю безотлагательно устроить на него облаву!

Мужики покурили и пошли назад в деревню, оживленно беседуя о предстоящей облаве на кооперативного медведя.

И. Г.

Не факт, а похоже на правду.

Был лес густой, а в нем часовня. Лес уничтожили до пня. „Святой“ дсмок на месте ровном теперь стоит, старух маня.

Пошли с молебном к божьей хате,—вдруг вылез из нее медведь и сел, рыча, верхом на бате, и лапой стал его тереть.

Поп завопил: я к бесу в сети попал! Амины! Да сгинет бес!

— Я лег в часовне,—зверь ответил,—лишь потому что сгинул лес!

И. Гвоздев.

Большое удобство

— А Ванька-то наш по вечерам лапти плетет.
— А где он лыко берет?
— Себя сдирает. Ведь он... липовый коммунист.

На деревне веселились,
Даже старцы прослезились.

Как я дурман искоренял

Рассказ „выщепенного“

— Иду я вечером после заседания в сельсовете домой. Гадко так на сердце: повестка больно паршивая получилась. Бумажка из Рика, почему критику зажимают, почему с семсудой задержка и прочее такое. Ну, я и обозлился. Секретарь протокол дописывать остался, а я портфель пол мышку, да и на воздух. Иду по селу и гляжу,—у Изотовых в окнах свет. Посмотрел в щелку,—занавеска не плотно была закрыта,—самогон пьют. Напустил я на себя строгости и вхожу в избу.

А навстречу дочка Изотовых, красивая девка такая.

— Здравствуйте, говорит, товарищ председатель! Садитесь, выпейте за мое здоровье!

Такая девка красивая,—не устоял. Чебурахнул. А там и другую. И захмелел. А они смеются.

— Раз ты власть, а это дурман,—должен ты его искоренять? Должен. Вот и изничтожай!

И изничтожил до того, что повели меня ребята под руки домой. А по дороге как стали мимо церкви проходить,—ребята и говорят:

— И какая ты, к чорту, партийная власть, коли один дурман изничтожил, а другой нет? Нешто можно, говорят, допустить, чтоб у передового на селе человека перед самым носом опиум стоял?

И показывают на церковь.
— Ладно, говорю, коли так! Пойдете ли со мной, ребята, в полном боевом порядке организованно с

богом бороться, антирелигиозную работу проводить?

— Пойдем,—говорят.

Сторожа мы в сорожке снаружи заперли засовом, замок у церкви скovyрнули и вошл и внутрь. Хошь и пьян был, а жуко стало: вдруг какой покойник ам или святой. Мало ли врагов советской власти?—Сейчас како нибудь подвох устроят.

— Ну,—говорю,—ребята, теперь давай опиум уничтожать.

А ребята и рады.

Сковырнули крышку у свечного ящика, свечки полмали. Денег не было там, заем тоько лежал. Нешто можно, думар, пролетарский заем нетрудовому попу иметь? Подделили с ребяташками поровну. Книжки, гляжу, какие-то лежат.

— Ага! Вот, говорю, где самое зло-то божие!

И ну их рвать. А после собрали все в кучу и зажгли. Венки там были на иконах, так мы их на себя понадевали: не все святым щеголять, а мы чем хуже их!

Ну, а пока я там безделушки разные серебряные в узел связывал, ребята вино где-то отыскали. Хватили мы, аж до донышка, и уж больше ничегошеньки не помню.

Проснулся я,—начальник милиции меня в бок толкал. А ребята уж заарестованные стоят. И повели нас торжественно, под народной охраной, как борцов за новый быт.

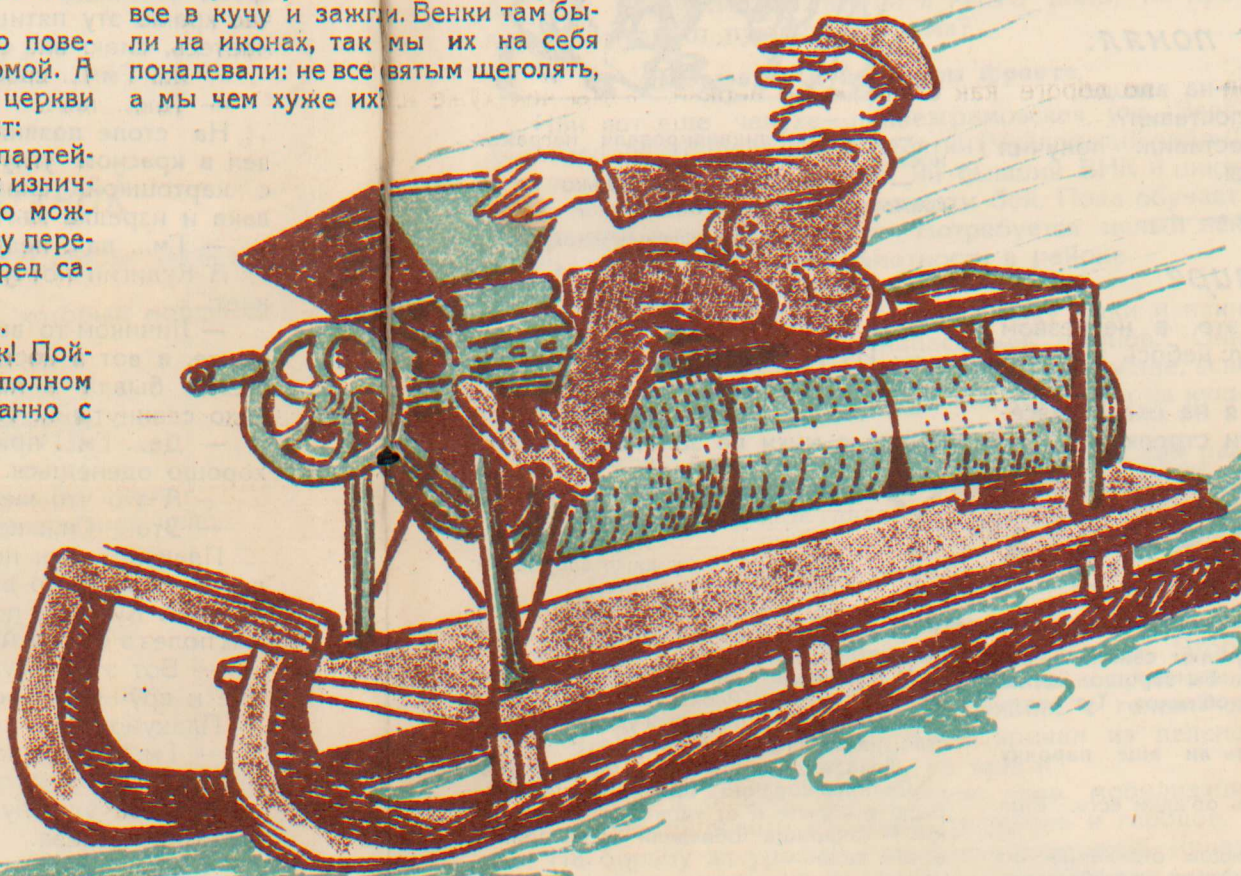
Суда еще не было,—скоро ожидаем, а вот из партии да из председателей меня вытряхнули.

И спрашивается, за что?

Боролся, можно сказать, со всей активностью, для блага народного весь дурман почти искоренил,—и я же виноват?

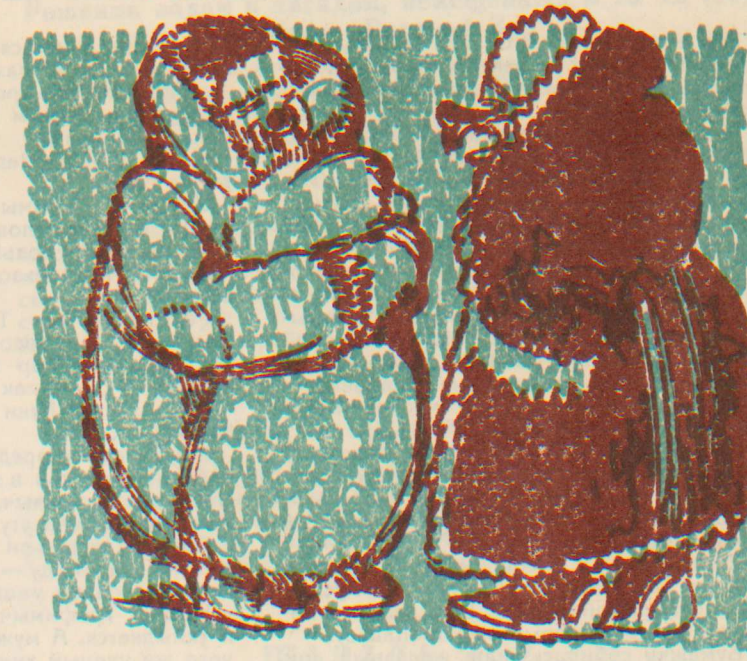
Не иначе, как ячейка с попами снюхалась...

Записал: А. Стыврацкий.

Триер на санях—
лучший гость новой деревни.

Холода виховаты

— Ну, и морозы у нас стаяли!...

— Н-да... зерноочистительный обоз так замерз, что и до сих пор не может раскататься.

Заодно.

— Ты что-же на партийное заседание с семенами идешь?
— Да заодно уж чистить.

Был, как бык, здоров наш Ванька.— Да, народ в деревне туб.
Без зубов, ведь, ходит, глянь-ка! Про запас вам нужен зуб.

Подпишися, стар и мал,
На „БОРОНИЙ ЗУБ“—журнал.

ХИМИК

Дела лесные

Что есть мусор? Это, так сказать, последний предмет на земном шаре. То, что каждый прохожий ножищами топчет без всякого внимания.

Но если рассудить научно, и мусор представляет полезное вещество. Надо только суметь извлечь из него пользу.

Вот, скажем, лежит в помойке грязная тряпка, кусок от заношенных штанов. Предмет, действительно, презренный. Плюнуть на него — слюны жалко. Но приходит тряпичник, начинает ворошить грязный мусор железным крючком, подхватывает обрывок штанов и кладет в свой мешок. Потом эта тряпка в производство пойдет, вместе с таким же рваньем, и в итоге из никудышного мусора получается новенький товар.

В городах сейчас собирают железный лом и бумажные остатки. Весь этот железный и бумажный мусор на фабрики и заводы пойдет для производства нужных предметов.

Стало быть, и мусор имеет свою цену! Лука Трофимыч тоже насчет мусора свои соображения имел. Есть ведь и в деревне мусор, который зря пропадает!

Бумажки собирать или железный лом Лука Трофимыч не предполагал. Какие в селе есть лишние бумажки? В сельсовете бумажный мусор в архив складывается, под замок; в школе учитель тоже бережет старые тетради; граждане, которые получают газеты, после прочтения раскуривают их на цыгарки, — ни куска бумажного не остается.

Насчет железного лома тоже строгость: пять раз прогорит куб в самогонном аппарате, а его все ремонтируют. Уронит мужик половину подковы, — спотришь, какая-нибудь проходящая баба ее поднимет. Сломается у железных граблей зуб, — хозяин этот самый зуб вместо гвоздя в стену вколачивает и вешает на нем хомут. Нет, где тут о железном ломе думать: каждый норовит сам подобрать чтонибудь железное!

Но у Луки Трофимыча шерки работают:

— Никому не нужный в селе сор, который никто не собирает, — это сор, остающийся при очистке семян. Его даже сжигают, до того он бесполезен.

Кому, действительно, нужен этот мусор? Но наука доказала, что из любого мусора можно извлечь пользу. В этом Лука Трофимыч был твердо уверен.

И решил заняться очисткой семян для всех желающих граждан.

— Если хотите урожая, засевайте поля только очищенным зерном! — агитировал Лука Трофимыч.

И ему верили. Ведь и агроном говорил то же самое!

У Луки Трофимыча триер, живет он рядом, сам он человек уважительный, а себе за работу только сор оставляет. Почему не воспользоваться такими удобствами?

Работа у Луки Трофимыча закипела. Принимает он засоренное зерно, отделяет от него сор и возвращает зерно хозяину чистым, как душа младенца.

Набралась у Луки Трофимыча громадная куча сора...

Вот теперь-то предстоит самое трудное — переработать сор в полезное вещество... Но Лука Трофимыч, при его мудрости, легко преодолел эту трудность.

Просто отвез он весь накопившийся сор на мельницу — и намолот себе из него несколько мешков муки.

Кушает Трофимыч караваи из мусора и ухмыляется. А мужики диву даются: до чего же ученый химик Лука Трофимыч, — сор в семенах выскрывает и из этого сора себе хлеба печет!

Только когда у нас зерноочистительный пункт открыли, увидели граждане, что сору в их семенах гораздо меньше, чем они полагали.

ИВ. ГВОЗДЕВ,

■■■■■■■■■■

Не так понял.

- Михайлов-то — на взводе!
— Кто же его поставил?
— Сам себя поставил: получил деньги и налился.

В тире.

- Ты что же это в нетрезвом виде винтовку взял: небось в глазах двоится?
— Ну-к что-ж: я на охоте завсегда из двухстволки стрелял.

Рубят слева. Рубят справа.

Рубят сзади, впереди.

Бесшабашная расправа, —

Только в оба и гляди.

Караулы нешто нонче —

Только акты и писать:

На одну порубку кончишь, —

Глядь, — еще готовы пять.

Сторож потный от погони.

Он вертится, как волчок:

Только слева вора сгонит, —

Справа рубит мужичок.

Не охрана, братцы, — слезы.

Тяжелы для леса дни:

Где стоят сейчас березы,

Завтра будут только пни.

Гулик.

Бывает и так

— Ну, как, ликвидировали неграмотность?

— Ликвидировали, но только не неграмотность, а липкунт...

■■■■■■■■■■

Не исправим.

- Из тебя хорошего стрелка не выйдет: ты берешь мелкую мушку.
— Что же делать, ежели к нам крупные мухи не залетают?

ВОТ, братишки, такое дело, что и не расскажешь толком. Ославились на весь корпус. Проходу не давали не только военные, да и штатские. А все почему? Кашевар, собака, подвел. Как было? А очень просто было.

Стояли мы в деревушке отдельной ротой. Почему отдельной, я, конечно, сказать не могу: военная тайна. Да и не важно это. Словом, отдельно стояли.

Конечно, как полагается, довольствовались из ротного котла. Печи такие устроили специальные за деревней. Отсюда-то вот все и началось. То ли армейцы ели мало, то ли крестьяне их прикармливали за помощь там всякую, а только оставалось довольствие в котле да и в бачках об'едки. Прежде-то все выдвали в канаву, а вот, однажды, кашевар и предлагает:

— А заведем, братцы, парочку свиной: зря прокорм пропадает!

Командир ничего против, конечно.

„СВИНЯЧЬЯ РОТА“

Рассказ демобилизованного.

Завели свинок. Кушают свинки об'едки да жиреют. И все бы хорошо, да не поедают свинки всех об'едков. Тут опять проект:

— А не добавить ли еще парочку свинок?

Добавили. И опять об'едки есть. Еще добавили.

Тут почти на каждое отделение по свинке стало приходиться. Кормили ребята свинок наперебой, ровно за девками ухаживали. Нет, нет, да еще свинок подбавляют. А тут, как на несчастье, несколько поросят попалось. Поросята забегали. Словом, целое стадо свиное развелось. Ребята наши по честному поделили свинок, переметили, списки завели на каждую, имена понадавали. Ухаживают пуще прежнего.

Ребята и учебу даже забросили: все с свиньями возились, Ну, и шло все это чинно и благородно. А тут, на поди, казус такой неприятный случился.

И надо было начальнику к нам невзначай приехать! Ребята, как раз, свиной кормили. Кашевар первый увидел начальство, растерялся и кричит:

— Товарищи, свиньи, свиньи! Смиррррн!! Свиньи, конечно, никакого внимания, рыло в корыте и от удовольствия хрюкают. А товарищи обалдели и не поймут, в чем дело.

Начальник поглядел, поглядел и поехал к ротному. Что уж там было, не знаю и врать не стану, а только вскорости велено было почти всех свиной распродать.

Распродать-то распродали, — это пустяки, — а только нам то, вот, с тех пор не было иного названья, как „свиная рота“.

Как по-вашему, не обидно это?

Егор Лаптев.

Беседа Зубастого Деда

Не только человек,—знает и скотина, что Зубастый Дед—не воинского чина. Что нет под его командой ни броневиков, ни пушек и что может он применять вооруженную силу только против тараканов и лягушек.

И так, мне, братцы, стало обидно, что теперь каждому видно: позеленел дед и с лица, и с изнанки.

Дайте мне немедленно танки! Самолеты! Полков 20 пехоты со всем снаряжением! Не могу я больше мириться со своим безоружным положением!

„По главному волокитчику — огонь!“

Эх, и пошли бы тогда дела, если бы у меня хоть малюсенькая пушка была.

Возьмем, к примеру, факт такой (за него ручаюсь головой): ведомственным милиционерам бывшей Верхне-Межевской волости не дают обмундирования.

Я-бы, скажу заранее, канителить долго не стал, я бы живо обмундирование достал.

— А, ну-ка,—сказал бы старшему при пушке,—садани-ка, кого следует, по макушке!

Власти не знают, что бедноту обижают.

Или, вот, в деревне Шаблове (Кологривский район) беднота ревет. А ревет она по причине такой: посадили ее на земле самой плохой. Во время передела достались ей пустыри да кочки, пеня да камень.

А местная власть и ухом не ведет, должно быть не скоро бедноте на помощь придет.

Как-же, ребята, подогнать чиновника-бюрократа?

Скажу по чести,—пушка бы тут была на своем месте.

— А, ну-ка,—сказал-бы я главному пушкарю,—ты бабахни, а я посмотрю: все-ли в РИК'е дома, не проснутя-ли там от пушечного грома?

Прорыв на культурном фронте.

Или вот еще чепуха—ликбезграмовская уха. Заварили непорядки бушневецкие ребятки (Чухломский район). Ни кооперация, ни комсомол, ни бывший ВИК и никто иной не сумели дать неграмотности бой. Пока обучается грамоте всего 55 человек. Потребуется целый век, чтобы ликвидировать неграмотность в районе.

Вот ваш Дед и стонет:

— Разве-же в Бушневе вояки? Скажу паки и паки: на таких храбрецов не напасешься штанов. Они, наверное, станут „разлагаться“ всем на удивление, если их заставят перейти в наступление, хотя-бы и на культурном фронте.

Этих вояк лучше не троньте! Я с ними уж сам разделаюсь какнибудь, я их, пожалуй, сумею припугнуть, если мне дадут полков двадцать пехоты со всем снаряжением.

Никак не могу больше мириться со своим безоружным положением!

И требую без оговорки (вынь да положи), чтобы была немедленно военизирована вся молодежь. Чтобы поголовно все старики были призваны в дружины и полки. Чтобы и малых ребят вооружили с головы до пят. Чтобы даже грудной ребенок кричал из пеленок не „агу“ и „ага“, а—„вперед, на врага!“

Требую, в общем, без дальних слов, мобилизации всех слоев трудового населения деревень и городов.

На борьбу за урожай население вооружай! Кулака из кооперации вышибай! Не давай живоглотам жиреть на шее трудового народа! Самокритикой бей, не жалей, всех негодных партийцев „бумажных“!

Вот у нас сколько задач боевых и важных.

Собрался воевать на старости лет

Ваш Зубастый Дед.

МЕЖДУ ДЕЛОМ

Решения задач и загадок, помещенных в № 12 (36) журнала „Бороний Зуб“.

Всего на конкурс поступило 15 решений.
Правильно решили все задачи 10 человек.

Кто получает премии.

За правильное решение всех задач и за наибольшее количество слов, составленных из букв слова „Правда“, присуждены премии: *В. И. Смородиновой* (дер. Гелолоино, бывш. Парфеньевской вол., Кологривского уезда); *И. Ильинскому* (село Воскресенское, Буйского р.); *Е. А. Степанову* (д. Денисово, Нерехтского р.); *И. Д. Морозову* (с. Орехово, Галичского р.)

Премии (библиотечки из 5 книг) разосланы по почте.

Ответы на задачи в № 12.

Шарада № 11—сам(тело)-олет—самолет; шарада № 12—полоса—полоса; задачи-шутки: ласточка, а-кула-к—кулак. Чтобы от двадцати вычесть 99, нужно написать 20 римскими цифрами и решать в столбике, то-есть так: — XX

99

11

ШАРАДА № 2.

Чтоб первый слог найти скорей,
Подумать следует серьезно...

Для мелких жителей морей

Является бичом он грозным.

Неволью с наших уст сорвется

Второй слог, если испугать

Внезапно друг друга придется...

Довольно, будет нам гадать!

Узнаем целое:—страна,

Куда все хищники стремятся,

Но точка... Верим, что она

Сумеет на ноги подняться.

Логогриф № 3.

Сеет смерть и разрушенье
Целое без сожаленья.
Слева знак откинь—и вот,
Дева в нем гулять идет.

Буквы три отбрось-ка снова,—
Может слохнуть и корова,
Коль случайно, ненароком,
Дать ей этого немного.

ОТ РЕДАКЦИИ. За правильное решение задач, помещенных в этом номере, будет выдано четыре премии—библиотечки. Участвующие в соревновании должны указать, какие книги они желали-бы получить: по вопросам сельского хозяйства, научные или какие иные.

„АРМИЯ СПАСЕНИЯ“

Под малиновые звоны,
Утром в воскресенье,
Собирается к амвону
„Армия спасения“.

Силы таяли без счета
При осаде рая.
Стариков осталась рота,
Да и та хромая.

Бабий полк не полон тоже,
Злятся командиры:
Все „армейцы“ помоложе
Стали дезертиры.

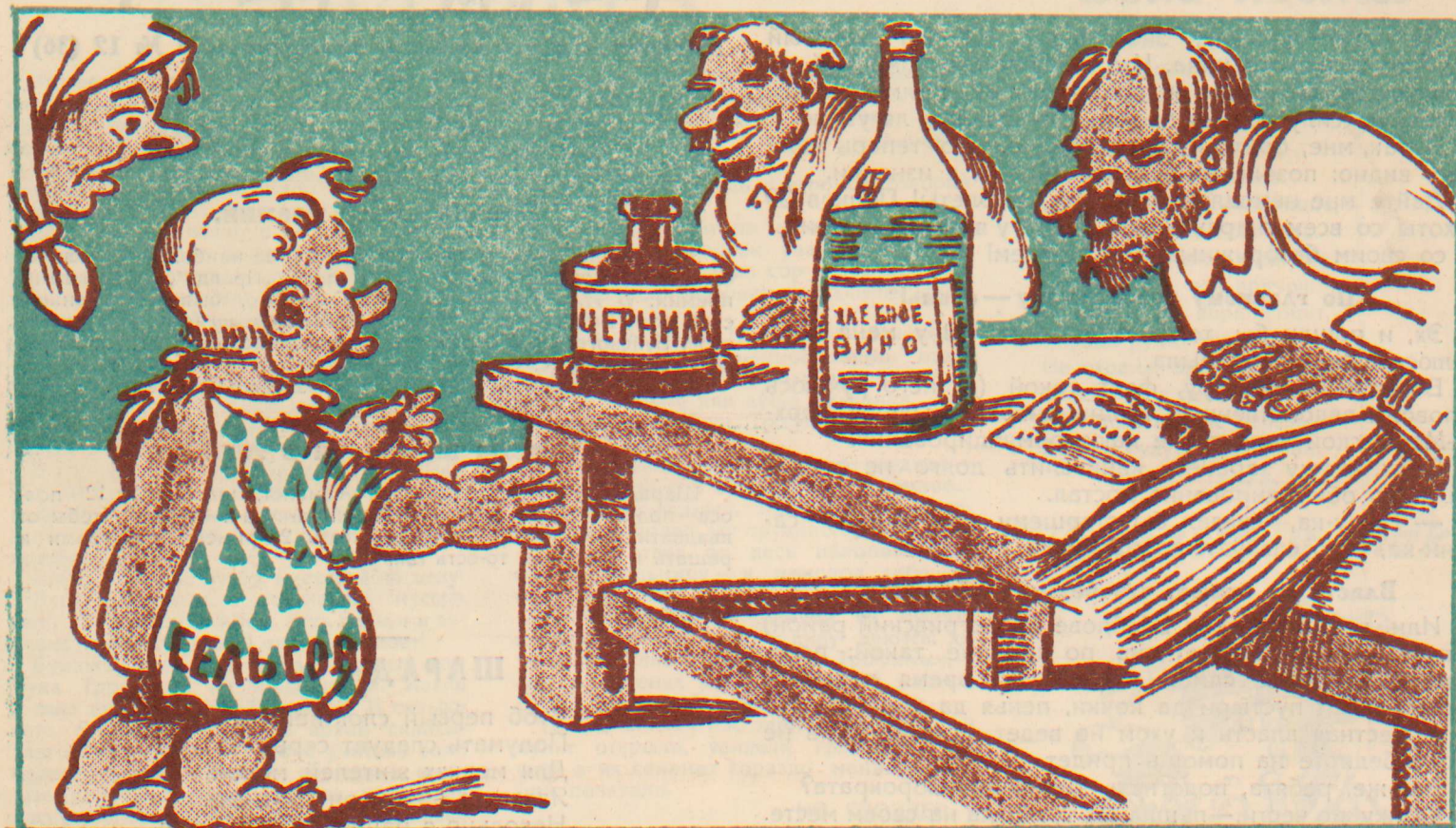
И. Г.

Двухсмысленный ответ.

— Почему в культпоходе не участвуете?

— Да ребята что-то хромают.

Первые шаги нового совета

— Что вы тут делаете?
 — Нового советика испытываем. За чернилу возьмется, — волокитчиком будет, за бутылку — пьяницей, за червяка — взяточником, а возьмется за метлу — чисто работать будет.

ПЕРЕД „ЧИСТКОЙ“

ПРИМАЗАВШИЙСЯ К ПАРТИИ: Ну, жена, помолись еще раз, а мы с кумом Толстопузовым еще раз как следует выпьем. А потом придется все это убрать подальше. А то еще, чего доброго, вычистят...

Ответственный редактор А. КОССОЙ.